

Г. И. Ульданова

**СОЗДАНИЕ И ОРГАНИЗАЦИЯ КУЙВОЗОВСКОГО (ТОКСОВСКОГО)
ФИНСКОГО НАЦИОНАЛЬНОГО РАЙОНА**

История ингерманландских финнов в Советском Союзе полна трудностей и испытаний. Современная историография содержит в себе множество исследований о репрессиях финнов северо-запада России начиная со второй половины 1930-х гг. Но сейчас не существует труда, который бы описывал немного более ранние года их жизни: с 1920-х по первую половину 1930-х гг. До этого момента историография не описывала действия большевиков по отношению к Ингерманландским финнам, за исключением репрессий. Многие исследования посвящены отдельным лицам и их семьям, которые были переселены в другие части Союза. Данная работа посвящена финскому национальному району с центром в д. Куйвози, а впоследствии в пос. Токсово, которые являлись одними из исторических центров проживания ингерманландских финнов. Целью исследования является изучить, как реализовывалась национальная политика Советского Союза на примере финского меньшинства с помощью материалов Токсовского районного совета. В этой статье в основном используются документы, оставленные большевистской партией и местными органами власти. Анализ новых источников проливает свет на неизвестные ранее сведения о взаимоотношениях большевистских властей с местным населением. В работе показано, как Советский Союз пытался организовать жизнь этнических финнов в регионе, столь близко расположенном к Ленинграду – крупному, стратегическому центру страны. Также ситуация осложнялась близостью границы и опасностью коллаборационизма со стороны финнов, ведь по ту сторону реки Сестры жил тот же народ, к которому финны-ингерманландцы были близки по языку и культуре.

Ключевые слова: СССР, Ингерманландские финны, РСДРП(б), национальная политика, Токсовский финский национальный район.

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-681-690

В первой трети XVIII в. Россия завоевала на северо-западе историческую область, которая носила наименование Ингерманландия. В состав страны вновь (после потери данной земли в 1617 г) вошли такие малые финно-угорские народы как, к примеру, водь, ижора. Однако отметим, что за время шведской власти сюда переселилось двумя крупными волнами около 20 тысяч финнов-лютеран. Они приходили изначально из западных приходов Карельского перешейка, а затем, в основном, с севера указанного перешейка и из восточных земель Финляндии. Пришедшие были безземельными крестьянами, на новые территории их влекли плодородные земли, различные привилегии и налоговые льготы [Конькова, Кокко 2009, 7].

На первых порах шведские власти противились стихийной миграции, но пересмотр переселенческой политики произошел во многом из-за разорения новой шведской провинции Ингерманланд многочисленными войнами и оттоком православного населения в русские земли. «Финны-лютеране встретили в Ингерманландии древние прибалтийско-финские народы – ижору и водь. На протяжении последующих веков финны ассимилировали некоторую часть ижор и води, создав новый самостоятельный народ – ингерманландских финнов» [Конькова, Кокко 2009, 8].

После неудачной для России русско-шведской войны 1656-1658 гг. отток православных на Русь увеличился [Kujala, 2016, 545]. На опустевшие земли вновь стало переселяться финское население. К концу XVII в. из примерно 50 тысяч жителей Ингерманландии 72% были финнами, остальные – православными (половину которых составляли ижоры и вожане) [Конькова, Кокко 2009, 8].

В мае 1703 г. был основан Санкт-Петербург, который изначально планировался как столица будущей империи. С этого времени Ингерманландия из пограничной провинции Швеции, которую порой называли «Шведской Сибирью», стала геополитическим центром набирающей силу империи. После присоединения финское крестьянство, жившее здесь уже более столетия, не ушло в Финляндию вслед за духовенством, дворянами и шведской администрацией. Они стали крепостными, но при этом, как считают некоторые ученые, для них сложились новые, благоприятные условия социально-экономического развития. С этого времени на данных землях стремительно менялся этнический состав населения, так как для строительства столицы привозили людей из внутренних губер-

ний России. К 1732 г. из практически 59 тысяч крестьян в Ингерманландии чуть менее 23 тысяч были финнами [Мусаев 2003, 25].

В первой половине XIX века в Ингерманландии зарождается школьное образование на финском языке. Колпанская школа [Каранов 2013, 123–127], которую открыл будущий император Павел I на свои средства в 1782 г., получила в 1800 г. собственное здание. Школа давала лишь самые начальные знания: там учили финский и русский язык, изучали Библию [Чистяков 2004, 110], но писать учили только тех, кто этого хотел. В дальнейшем школы открывались и в других частях региона. К 1888 г. их было уже 38 [Конькова, Кокко 2009, 10].

К тому же росла численность населения: в 1848 г. финнов здесь было 80 тысяч, а в 1897 г. – уже свыше 130 тысяч [Мусаев 2003, 26]. Финны практически повсеместно жили в западной, центральной и северной частях Санкт-Петербургской губернии. Конец XIX – начало XX века стало временем появления финской периодической печати и зарождения литературы на финском языке в Ингерманландии.

На рубеже XIX и XX вв. на землях Ингерманландии усилилась русификаторская политика. В 1913 г. в 229 школах, в которых обучалось 8 тысяч финских детей, основным языком преподавания также стал русский. Роль финского языка в образовательном процессе значительно снизилась, хотя уроки религии проводились, однако, по-фински [Конькова, Кокко 2009, 11].

«Большевистская революция и гражданская война развели финнов-ингерманландцев по разные стороны баррикад. Часть была в стане большевиков, поддавшись на страстную агитацию укrywшихся в Советской России «красных финнов» — в Петрограде их было около 6 тысяч. Другие крестьяне взяли за оружие после большевистских экспроприаций продовольствия и скота осенью 1918 г.» [Конькова, Кокко 2009, 13]. Так в сражениях 1919 г. за Петроград в состав белой армии входили отряды ингерманландских финнов [Таргяйнен 2001]. В результате Гражданской войны и образования новых государств на территории бывшей Российской империи финны-ингерманландцы оказались разделены между разными странами, многие мигрировали.

После утверждения Советской власти «в 1920-е годы в Ингерманландии действительно началось национальное строительство» [Конькова, Кокко 2009, 14]. При губернском отделе народного образования был сформирован финский отдел, который организовал переход на финский язык преподавания в начальных школах в районах с преобладанием финского населения. Создавались учебные программы, издавались учебники.

На месте их компактного проживания, к северу от Ленинграда, был образован исследуемый нами Куйвозовский финский национальный район в 1927 г. Хотя исторически финны-ингерманландцы проживали на всей территории Ингерманландии, а не только на земле от северных границ Ленинграда до реки Сестры. Население района на 6 января 1928 г. составляло 20 136 человек, из них 19 126 человек были финнами [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 29. Л. 5].

История образования района тесно связана с изменением административно-территориального деления Советского государства. Постановление XII съезда РКП(б) 1923 г., основанное на докладе А. И. Рыкова «О районировании», дало старт административно-территориальной реформе СССР 1923–1929 гг. Было решено полностью отказаться от структур, доставшихся в наследство от Российской империи. Старые небольшие губернии заменялись на крупные области. Последние же разделялись на округа, которые были больше чем существовавшие ранее уезды. А уже округ делился на район, также более крупный по размеру чем волость. Самым низшей инстанцией стал сельсовет.

Стоит отметить, что в 1926 г. была образована Северо-Западная область в РСФСР, в состав которой входило 5 губерний: Ленинградская, Череповецкая, Новгородская, Мурманская, Псковская. С 1 августа 1927 г. эта область была переименована в Ленинградскую. В ней было 9 округов, разделявшихся дальше на 140 районов.

Разделяли районы преимущественно по экономическому принципу с определением достаточного количества квалифицированных кадров. Последних не хватало, поэтому получились достаточно крупные единицы. Но недостатки в управлении столь большими образованиями выявились сразу и к 1930 г. стал вопрос о разукрупнении. К тому же было принято решение отказаться от округов. Остались лишь области, в которые входили районы, разделяемые на сельсоветы. В результате многочисленных административно-территориальных преобразований 1930-х гг. Ленинградская область в своей основе приобрела границы, которые более похожие на современные. [Как создавалась Ленинградская область].

30 октября 1930 г. центр Куйвозовского района был перенесен из д. Куйвози в дачный поселок Токсово, а меньше чем через 4 месяца, в феврале 1931 г. Куйвозовский район был преобразован в национальный финский район. Однако новое название, Токсовский, район получил только в 1936 г. Как известно, указом Президиума Верховного Совета РСФСР от 22 февраля 1939 г. упразднены созданные по национальному признаку административно-территориальные единицы. Токсовский район был упразднен с передачей его территорий в состав Парголово-ского района [Архивы Ленинградской области].

Получается, что рассматриваемый в данной работе Куйвозовский финский национальный район сформировался в результате нового административно-территориального деления, с учетом компактного проживания финнов вблизи Ленинграда, которое сложилось в следствии описанных выше событий.

Необходимо уделить особое внимание общим тенденциям развития национальной политики РСФСР, а позднее и СССР. Прежде всего стоит сказать, что политика большевиков первоначально была нацелена на стимулирование национального сознания этнических меньшинств и образования для этих меньшинств институциональных форм, которые были бы характерными для национального государства. Национальный язык на таких территориях объявлялся официальным, во многом эта мера объяснялась тем, что родной язык сделает власть Советов понятной и доступной [Мартин 2002, 56].

Такие отношения власти к меньшинствам можно объяснить стремлениями большевиков к сохранению территориальной целостности страны. Как считает немецкий ученый Й. Баберовски: «На национальную политику большевиков на раннем этапе влиял фактор страха перед возможностью повторения неконтролируемых этнических конфликтов, потрясших империю в 1914–1921 гг. Дореволюционный режим отстранил элиты имперской периферии от управления, потребовав от них безоговорочного подчинения имперской гегемонии. Во многом благодаря этому революция на окраинах многонациональной империи вылилась в бунт лишенных культурной самостоятельности меньшинств. В условиях множества межэтнических конфликтов не стоило и надеяться, что «чужаки» признают друг в друге друзей. Ведь без опоры на местные языки и традиции революционная программа по очистке сознания подданных от старого содержания и наполнению его новым осталась бы пустым обещанием» [Баберовски 2006, 191]. С методами управления Российской империи на окраинах можно подискутировать, но национальные конфликты, действительно имевшие место на окраинах империи, серьезно обострились в условиях Первой Мировой войны и революций 1917 г.

Такое направление национальной политики во многом согласовывалось с правом нации на самоопределение – всем известным лозунгом, провозглашенным В. И. Лениным. Однако большинство национальностей бывшей Российской империи были вынуждены реализовывать это право в рамках Советского Союза. При этом высшее руководство СССР (в лице В. И. Ленина и И. В. Сталина) было уверено, что позиции национализма будут крепки еще долгое время, так просто не уступив обращение к классам вместо обращения к нациям.

Как считают некоторые исследователи [Martin 2001; Lieven 2003], через образование национальных территорий и «агрессивное стимулирование символических маркеров национальной идентичности (фольклор, музеи, костюмы и т.д.)» советская власть пыталась в долгосрочной перспективе обеспечить мирное сосуществование различных национальных идентичностей с постепенно образующейся общесоюзной социалистической культурой, которая в будущем вытеснит существовавшие прежде национальные культуры. Национальная идентичность должна была быть деполитизирована показным проявлением уважения.

Однако мы не можем пройти мимо такого очевидного факта, что по сути своей советская национальная политика не предусматривала создание федерации, если этот термин обозначает что-то большее, чем простое образование административных территорий по национальным границам. Несмотря на то, что конституционно оформленное в 1922–23 гг. сообщество было названо федерацией, оно на самом деле сосредотачивало все полномочия по принятию решений в центре. Тем не менее, в республиках были созданы различные правительственные структуры, включая собственные Совнаркомы, несколько независимых комиссариатов, на Украине даже собственное Политбюро.

Так в каком же состоянии был Куйвозовский финский национальный район на момент своего формирования? Как в нем проявлялась национальная политика большевистского правительства?

На первый вопрос во многом дает ответ характеристика на Куйвозовский финский район, составленная подотделом по нацменьшинствам Ленинградского областного комитета КПСС [ЦГАИПД

СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139.]. В нем записано, что национальный район, граничивший на севере с буржуазной Финляндией, занимал площадь около 2 250 кв. километров с населением около 21 тысячи человек. Громадное большинство населения района (95 % от общего числа) составляли финны, остальные русские и другие, которые были вкраплены среди основного населения. Аппарат Районного исполнительного комитета (РИК), который обслуживал 154 деревни, представляющие 20 Сельсоветов, состоял из: Президиума РИК – 5 человек, технического персонала – 11 человек, милиции – 5 человек и Угрозыска – 1 человек. Как выяснилось из представленных в распоряжение Областкома материалов и бесед с отдельными работниками, РИК в общем и целом работал удовлетворительно. Президиум РИК с 1-го октября по 15-е декабря 1927 г. заседал 15 раз [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1.]. Также с определенной периодичностью проводились пленумы РИК.

Поскольку Куйвозовский район являлся местом компактного проживания финского населения, партию беспокоило, в какой степени был реализован финский язык в советском строительстве, а также как обеспечен прием письменных и устных обращений крестьян финнов (в большинстве своем не владеющих русским языком) со стороны РИК и Сельсоветов.

По данному поводу было сделано следующее заключение: со стороны РИК прием устных обращений на финском языке был вполне обеспечен. Из 5 членов Президиума РИК все владели финским языком. Заседания Президиума и Пленума РИК велись, как правило, на финском языке. Из 11 человек технического персонала только двое не знали финского языка, из пяти человек милиции, кроме делопроизводителя, все разговаривали на языке местного населения. Очень слабо был организован прием устных обращений на финском языке в лечебно-амбулаторных пунктах и совсем плохо в агрономическом участке и Угрозыске, где работали «русские» работники, совсем не владевшие финским языком. Что касалось приема письменных обращений на финском языке, то это аппаратом РИК было обеспечено, но ответы на бумаги, посланные Сельсоветами на финском языке, РИК давал на русском. Не трудно представить какие это создавало трудности. [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1 об.].

В документе указывалось, что громадное количество людей в сельсоветах – финны, которые все документы производили на финском, а русским владели очень слабо и составлявшие данный отчет отдельно заострили на этом внимание. На их вопрос местной администрации о том, как они понимают инструкции и постановления РИК, составленные на русском языке, последовал ответ, что часто приходится разбирать такие бумаги сообща, обращаться к помощи учителей и что это очень затрудняет процесс. Делался вывод, что это вело не только к тому, что «инструкция может быть понята неправильно, но и к безусловному задерживанию выполнения распоряжений вышестоящих советских органов» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 2.].

Причины этого докладчики видели в том, что, во-первых, технические работники РИК хотя владели финским языком хорошо, но, оказалось, что пишут по-фински плохо и неграмотно, во-вторых, в РИК не было машинки на финском алфавите и даже при наличии машинки, им трудно было бы подыскать машинистку, знавшую два языка, за существующую тогда ставку. Также затруднительно было подыскать грамотных технических работников, ввиду тяжелых квартирных и материальных условий. В итоге в докладе пришли к выводу о том, что любые меры по улучшению работы РИКа, которые повлекут увеличение расходов, должны быть предусмотрены при рассмотрении бюджета Куйвозовского РИК [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 2 об.].

В дальнейшей характеристике обозначалось, что при сельсовете функционировали сельскохозяйственная и культурно-просветительная комиссии, а также по благоустройству. «Сельсоветы стоят достаточно близко к населению, зачастую правильно отражают его интересы; конечно этому способствует и облегчает постановка работы на родном, понятном населению языке» [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 3.]. Хотя отмечалось, что Куйвозовский районный исполнительный комитет, как все остальные РИКи, вел переписку с вышестоящими органами на русском языке.

Как известно, большую роль для любого меньшинства играют местные школы, а также язык преподавания в них. В характеристике сообщалось, что на территории Куйвозовского района работала сеть из 42 школ, из них 2 школы семилетки и 40 школ 1-й ступени, из которых одна трехкомплексная, 13 двухкомплексных, 26 однокомплексных. При этом обозначалось, что только одна школа русская, а все остальные финские. Приводится и статистика: примерно 85% финских детей посещали школу.

Для данных школ существовали и проблемные моменты. Большое место школьной жизни, как это обозначалось в докладе, состояло в том, что дети поздно приходили и рано уходили из школы.

Это объяснялось специфическим явлением для данного района, которое заключается в том, что дети нанимались в пастушки и им приходилось оставлять школу.

Описывая благосостояние детей, докладчик указывал на тяжелые условия жизни, отсутствие охраны детского труда. Данный момент обозначался как очень важный вопрос, наравне с замечанием о том, что преподавание русского языка поставлено не на должную высоту. Это связано с тем, что учителя очень слабо знают язык. В характеристике указано, что была слабо организована работа в области самоуправления учащихся и плохо развивалось движение пионеров на территории Куйвозовского района [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 3 об.].

Касаясь сельского хозяйства, докладчик говорит о сильном ущербе, понесенном за годы гражданской войны и революции. Однако отмечалась и тенденция к восстановлению на основании приведенной статистики. Указывалось, что на территории района преобладала *отрубная и хуторная* система землепользования. В системе хозяйства трехполье сохранилось на 20–25%. При этом многополье было введено только на 10%. В остальных хозяйствах преобладала четырехпольная система [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 4.].

Продолжая характеристику сельского хозяйства, автор писал о том, что район малоземельный. К тому же он отмечал отсутствие изучения и учета расслоения в деревне, а также деятельности по организации бедноты. В докладе приводилась информация о недостаточной заинтересованности РИКа в решении данных вопросов. Хотя при этом обозначалось то, что и сельсоветы упустили из виду важность этой цели.

Отмечались значительные успехи кооперации на территории района за последнее время. Об этом свидетельствовало то, что здесь совершенно изжита частная торговля¹. Большим вопросом являлась концентрация в Куйвозовском районе большого количества безземельных-резвакуированных из Финляндии [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 4 об.].

В конце характеристики написано: «ознакомление с состоянием советской работы в Куйвозовском районе позволяет сделать вывод, что организация национального финского района оправдала себя полностью». В отчете пришли также к заключению, что советская власть в этом районе близко стоит к населению и работает удовлетворительно по поднятию экономического и культурного уровня крестьян. А дальнейшая задача вышестоящих органов, то есть областных и окружных, – это всемерно поддерживать мероприятия Куйвозовского РИК и Сельсоветов, направленные на последующие улучшения благосостояния данного района [ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 5].

В данной характеристике мы видим основные пункты, которые интересовали Областной комитет (Областком) относительно организации района. Первый, и, как нам кажется, самый важный пункт, занимающий наибольшее количество места, – это состояние финского языка. Было важно, чтобы состав РИК и Сельсоветов был таким, чтобы существовала возможность полноценного общения между властью и крестьянством, где последнее преимущественно не говорит по-русски. В Куйвозовском районе, если верить характеристике, проблем с этим не существовало.

На настоящий момент документы, оставшиеся после Токсовского районного совета (райсовет) и его исполнительного комитета (РИКа), хранятся в Ленинградском областном государственном архиве в г. Выборге. В этих материалах содержится более подробная характеристика района: организация, национальная политики, населения. Политику большевистской власти на местах можно проследить на примере плана работы Хиппелимягского сельского совета (сельсовета) на октябрь – апрель 1928–1929 гг. [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 3–6 с об.]. План был достаточно типичным по структуре и содержанию и для других сельсоветов.

Осенью 1928 г. сельсоветы переизбирали свой состав, стараясь привлечь в его работу как можно большее количество крестьян. Важно отметить, что в это время производилось прикрепление по одному члену сельсовета к учреждениям и общественным организациям для присутствия их на заседаниях и совещаниях. Это делалось, как пишется в плане, для того, чтобы после выступлений с докладами руководителей этих заведений был заслушан и содоклад прикрепленного члена сельсовета. Подчеркивается, что последний предварительно должен провести обследование учреждения или организации, к которой он прикреплен.

¹ Однако, как нам кажется, к этой информации стоит подходить с осторожностью, поискав сведения из дополнительных источников.

Однако этим не ограничивалось взаимодействие между организациями и сельсоветом: прикрепленный член должен был на заседаниях комиссии сельсовета информировать о нуждах учреждений. При этом заранее Районным исполнительным комитетом ограничено какими это могут быть нужды и для какого конкретного учреждения.

В плане сельсовета уделялось внимание усилиям по своевременному сбору налогов, по учету военнообязанных граждан и их явки на военную службу. Существовали планы по обследованию и выявлению нужд школ, организации подписки на газеты и журналы. В будущем ставили задачу проводить мероприятия по улучшению сельского хозяйства: организация сельскохозяйственных курсов в зимнее время, с уклоном на многопольный севооборот и на выращивание посевных трав и корнеплодов, а также различные доклады о пользе искусственных удобрений.

Перед сельсоветом стояла задача втянуть во все виды кооперации возможно большее количество населения и помочь кооперативу в работе, провести правильный отпуск лесных материалов населению, способствовать борьбе с самовольной вырубкой леса. В плане прописана и помощь по повышению эффективности деятельности кресткомов (крестьянских комитет взаимопомощи) путем подготовки докладов на общих собраниях граждан. Ставил сельсовет себе цель и «по оказанию непосредственной помощи в организации различных заводов, станков и т.п.» [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 5].

Стоит отдельно обратить внимание на план работы Лемболовского сельского совета, так как здесь приведена небольшая характеристика местного крестьянства. В ней подчеркивается расслоение крестьянства: «большинство середняков, меньше бедняков, а зажиточные только некоторые». При этом культурный уровень населения низок [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 42].

Сохранился также и план работы Куйвозовского Районного исполнительного комитета за октябрь-март 1928–1929 гг., то есть общий для всех сельсоветов. В нем особый интерес представляет раздел по работе с национальным меньшинством. Самая главная задача – это обеспечить работу района на родном языке меньшинства (финском).

Что же было необходимо сделать для решения задачи, обозначенной в плане ?

- Подбирать работников во все учреждения и организации района из представителей национального меньшинства – финнов;
- Продолжать выписку периодических изданий финского издательства «Кирья» по советскому строительству, сельскому хозяйству, народному образованию и пр., а также финской газеты «Вапаус» для советов, больниц и школ;
- Освещать работу районного исполнительного комитета, ударных кампаний и т.д. в финской печати;
- Продолжать работу по переходу ведения делопроизводства РИКа и сельских советов на финский язык – для чего просить Президиум ОКРИКа (Окружной исполнительный комитет) изыскать средства на повышение ставки переводчика и пополнение штата машинисткой-финкой, а также на приобретение пишущей машинки с финским шрифтом, чтобы иметь возможность вести всю переписку с сельскими советами, школами и др. подведомственными учреждениями на родном языке;
- Проводить все собрания, совещания и заседания на финском языке [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 11].

Достаточно большое внимание в плане для всего района уделено школьному образованию. Приводился отчет об открытии двух новых школ, признавалась желательным организация временной мастерской для снабжения школ недостающей классной мебелью (партами, классными досками, столами, стульями и т.п.). Согласно инструкции Окружного здравотдела, районные власти стремились придерживаться планового обследования школ 2 раза в год на предмет тщательной проверки быта и здоровья учащихся, а также закончить работу по обследованию здоровья батрачества и подростков.

В области здравоохранения по плану было необходимо окончательно установить твердые территориальные границы обслуживания отдельными больницами района, руководствуясь радиусом селений и их тяготением к тем или иным больницам. Также из-за наблюдающейся перегруженности в работе персонала некоторых больниц и во избежание переработок, совместно с заведующими учреждений выработывались новые правила внутреннего распорядка, рационализируя распределение обязанностей по работе отдельных специальностей. Указывалось на необходимость увеличения или уменьшения штата в зависимости от ситуации на местах. [ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 13 об. –14].

Помимо указанных планов, в фондах архивов Российской Федерации сохранилось еще множество других материалов о деревне Куйвози и её окрестностях, требующих внимательного изучения. Таким образом, рассматриваемый нами Куйвозовский (Токсовский) финский национальный район – один из ярчайших примеров деятельности национальной политики большевиков в конце 1920-1930 гг. В первые годы своего существования на его территории применялась практика поощрения распространения финского языка и культуры, правда, в рамках строительства советского государства.

Однако земли национального района – это пограничная зона, по другую сторону границы также жили финны, что рождало у центральной власти СССР опасения в коллаборационизме, особенно в рамках сложившейся в конце 1930х гг. политической ситуации. К тому же общее направление национальной политики большевиков к середине 1930х гг. стало подвергаться серьезным изменениям. В итоге в период коллективизации стали осуществляться первые притеснения, в том числе финнов, когда их стали насильственно выселять на строительство Беломорского канала и на Кольский полуостров. Лютеранские приходы подвергались гонениям уже в 1920е гг., однако полностью были уничтожены только в 1939 г.

Двумя волнами в 1935-1936 и в 1937-1938 гг. финны уже массово выселялись не только с территории Токсовского района, но и со всей Ленинградской области. На данный момент существует множество работ, посвященных этой трагической странице в истории финского меньшинства в России [Гильди 2003; Гильди, 2006; Риехкалайнен 2009; Кирьянен, Лабудин, Самодуров 2017, Gelb 1996].

Во время Великой Отечественной войны депортации из пограничных зон продолжались [Шлыгина 1996, 138–142], а уже после её завершения финнам не разрешали селиться в Ленинграде и его области без орденов и медалей, полученных на войне [Мусаев 2003, 280–281]. Конечно, начиная с времен правления Н.С. Хрущева, жизнь финнов в Ингерманландии, то есть на северо-западе современной России, налаживается. Однако с каждым годом становится все меньше и меньше тех, кто причисляется себя к финнам ингерманландцам, многие из них говорят только по-русски, а если и используют финский язык, то литературный, как в Финляндии, а совсем не ингерманландские, характерные для Ленинградской области, диалекты. Получается, что они выбирают одну из двух сторон: либо Россию, либо Финляндию [Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. 2009, 126–134].

ЛИТЕРАТУРА

- Архивы Ленинградской области. Историческая справка к Ф. 3168 ГКУ ЛОГАВ. URL: <https://archiveslo.ru/archives/logav/stocks/16087> (дата обращения: 09.11.2022)
- Баберовски Й.* Сталинизм и нация: Советский Союз как многонациональное государство, 1917-1953 // *Ab Imperio*. 2006. № 1. С. 177–196.
- Гильди Л. А.* Народ изгой в России. СПб., 2006. 293 с.
- Гильди Л. А.* Судьба «социально-опасного» народа. (Засекреченный геноцид финнов в России и его последствия. 1930-2002 гг.). СПб., 2003. 504 с.
- Как создавалась Ленинградская область. 1928–1932. [Электронный ресурс] URL: <https://spbarchives.ru/lenobl> (дата обращения: 09.11.2022).
- Каранов Д. П.* Колпанская учительско-кистерская семинария и ее роль в истории финнов Санкт-петербургской губернии // *Образование: ресурсы развития. Вестник ЛОИРО*. № 1. СПб., 2013. С. 123–127.
- Кирьянен А. И., Лабудин А. В., Самодуров А. А.* Ингерманландские финны: трудная история // *Управленческое консультирование*. М., 2017. № 5 (101). С. 130–141.
- Конькова О. И., Кокко В. А.* Ингерманландские финны. Очерки истории и культуры. СПб., 2009. 164 с.
- Мартин Т.* Империя позитивного действия: Советский Союз как высшая форма империализма? // *Ab Imperio*. 2002. № 2. С. 55–88.
- Мусаев В. И.* Политическая история Ингерманландии в конце XIX–XX века. СПб., 2003. 450 с.
- Риехкалайнен Ю.* Ингерманландские финны. История и судьба. Петрозаводск, 2009. 173 с.
- Таргайнен М. А.* Ингерманландский излом: Борьба ингерманландских финнов в гражданской войне на Северо-Запад России (1918–1920 гг.). СПб., 2001. 361 с.
- Чистяков А. Ю.* Лютеранская церковь и формирование этнической культуры ингерманландских финнов в XIX–XX вв. // *Вестник СПбГУ. Серия 2. История*. Вып. 3–4. СПб., 2004. С. 109–119.
- Шлыгина Н. В.* Финляндская литература о переселении финнов-ингерманландцев на территорию Финляндии в годы II мировой войны // *Этнографическое обозрение*. М., 1996. № 5. С. 138–142.

Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations // Nationalities Papers. Vol. 24. № 2. 1996. P. 237–268.

Kujala A. Sweden's Russian Lands, Ingria and Kexholm Province, 1617–ca. 1670: The Interaction of the Crown with Its New Subjects // *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*. Vol. 4. 2016. Pp. 545–574.

Lieven D. Empire: The Russian Empire and Its Rivals. London: Pimlico, 2003. 486 p.

Martin T. The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939. London: Cornell university press, 2001. 496 p.

Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. Boundaries of national belonging in Ingrian Finnish return migration: a multi-level perspective // *Nordic journal of migration research*. 2009. vol. 5. no 3. P. 126–134.

Центральный государственный архив историко-политических документов Санкт-Петербурга (ЦГАИПД СПб).

Ф. 24. Ленинградский областной комитет КПСС. Смольнинский район, Ленинград. 1927–1991 ЦГАИПД СПб. Ф. 24. Оп. 8. Д. 139. Л. 1–5.

Ленинградский областной государственный архив в г. Выборге (ЛОГАВ).

Ф. 3168. Токсовский районный Совет рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов Ленинградской области. Исполнительный комитет. пос. Токсово, Ленинградская область. 1927–1939

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 23. Л. 3 – 6 с об., 11, 42.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 24. Л. 6 с об., 15–18 с об., 200–205 с об.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 29. Л. 5.

ЛОГАВ. Ф. 3168. Оп. 1. Д. 41. Л. 81 с об.

Поступила в редакцию 13.08.2022

УльдANOва Галия Ильдусовна

Главный специалист

Отдела информации и научного использования документов

Российского государственного исторического архива

E-mail: galiya251@gmail.com

G.I. Uldanova

KUIVOZOVSKY (TOKSOVSKY) FINNISH NATIONAL DISTRICT

DOI: 10.35634/2224-9443-2022-16-4-681-690

The history of the Ingrian Finns in the Soviet Union has been very dramatic and difficult. Today historiography has a lot of research about violence against the Finnish minority since the second half of the 1930s. But there is no paper which describes the earlier years of their life: from 1920s to the first half of 1930s. Up to this point, historiography did not describe the actions of the Bolsheviks in relation to the Ingrian Finns, except for repression. Many studies focus on individuals and their families who have been resettled in other parts of the Union. This work is devoted to the Finnish national district with the center in the village of Kuivozi, and later in the village of Toksovo, which were one of the historical centers of residence of the Ingrian Finns. The aim of the study is to explore how the national policy of the Soviet Union was implemented on the example of the Finnish minority with the help of materials from the Toksovsky District Council. This article mainly uses documents left by the Bolshevik Party and local authorities. The analysis of new sources sheds light on previously unknown information about the relationship of the Bolshevik authorities with the local population. The paper shows how the Soviet Union tried to organize the life of ethnic Finns in a region so close to Leningrad – a large, strategic center of the country. The situation was also complicated by the proximity of the border and the danger of collaboration on the part of the Finns, because on the other side of the Sestra River lived the same people to whom the Ingrian Finns were close in language and culture.

Keywords: Soviet Union, Ingrian Finns, Bolshevik's party, national policy, Finnish National District in Toksovo.

Citation: Yearbook of Finno-Ugric Studies, 2022, vol. 16, issue 4, pp. 681–690

REFERENCES

Arkhivy Leningradskoi oblasti. Istoricheskaya spravka k F. 3168 GKU LOGAV. [Archives of the Leningrad Region. Historical reference to F. 3168 GKU LOGAV.]. [Electronic resource]. URL: <https://archiveslo.ru/archives/logav/stocks/16087> (accessed: 09.11.2022).

Baberovski J. Stalinizm i natsiya: Sovetskii Soyuz kak mnogonatsional'noe gosudarstvo, 1917–1953 [Stalinism and the Nation: The Soviet Union as a Multinational State, 1917–1953]. *Ab Imperio*, 2006, no 1, pp. 177–196. In Russian.

Chistjakov A.Ju. Lyuteranskaya tserkov' i formirovanie etnicheskoi kul'tury ingermanlandskikh finnov v XIX–XX vv. [The Lutheran Church and the formation of the ethnic culture of the Ingermanland Finns in the XIX–XX centuries]. *Vestnik SPbGU* [Journal of Saint-Petersburg State University], Series 2, History, vol. 3–4, Saint-Petersburg, 2004. pp. 109–119.

Gelb M. The Western Finnic Minorities and the Origins of the Stalinist Nationalities Deportations. *Nationalities Papers*, Vol. 24, no 2, 1996, pp. 237–268.

Gil'di L.A. *Narod izgoi v Rossii* [The outcast people in Russia]. Saint-Petersburg, 2006. 293 p. In Russian.

Gil'di L.A. *Sud'ba «sotsial'no-opasnogo» naroda. (Zasekrechennyi genotsid finnov v Rossii i ego posledstviya. 1930–2002 gg.)* [The fate of the "socially dangerous" people. (The secret genocide of the Finns in Russia and its consequences. 1930–2002)]. Saint-Petersburg, 2003. 504 p. In Russian.

Kak sozdavalas' Leningradskaya oblast' [How the Leningrad Region was created]. 1928–1932. [Electronic resource] URL: <https://spbarchives.ru/lenobl> (accessed: 09.11.2022).

Karanov D.P. Kolpanskaya uchitel'sko-kisterskaya seminariya i ee rol' v istorii finnov Sankt-peterburgskoi gubernii [Kolpan teacher-kuester Seminary and its role in the history of the Finns of the St. Petersburg province]. *Obrazovanie: resursy razvitiya. Vestnik LOIRO* [Education: development resources. Journal of the Leningrad regional institute of education development], no 1, Saint-Petersburg, 2013, pp.123–127. In Russian.

Kir'janen A.I., Labudin A.V., Samodurov A.A. Ingermanlandskie finny: trudnaya istoriya [Ingermanland Finns: A difficult story]. *Upravlencheskoe konsul'tirovanie* [Management consulting], no 5 (101), Moscow, 2017, pp. 130–141. In Russian.

Kon'kova O.I., Kokko V.A. *Ingermanlandskie finny. Ocherki istorii i kul'tury.* [Ingermanland Finns. Essays on history and culture]. Saint-Petersburg, 2009. 164 p. In Russian.

Kujala A. Sweden's Russian Lands, Ingria and Kexholm Province, 1617 – ca. 1670: The Interaction of the Crown with Its New Subjects. *Jahrbücher für Geschichte Osteuropas*, 2016, vol. 64, no 4, pp. 545–574.

Lieven D. *Empire: The Russian Empire and Its Rivals.* London: Pimlico, 2003. 486 p.

Mahonen T., Varjonen S., Prindiville N., Arnold L., Jasinskaja-Lahti I. Boundaries of national belonging in Ingrian Finnish return migration: a multi-level perspective. *Nordic journal of migration research*, 2009, vol. 5, no 3. pp. 126–134.

Martin T. Imperiya pozitivnogo deistviya: Sovetskii Soyuz kak vysshaya forma imperializma? [Empire of Positive Action: The Soviet Union as the highest form of imperialism?]. *Ab Imperio*, 2002, no 2, pp. 55–88. In Russian.

Martin T. *The Affirmative Action Empire: Nations and Nationalism in the Soviet Union, 1923–1939.* London: Cornell university press, 2001. 496 p.

Musaev V.I. *Politicheskaya istoriya Ingermanlandii v kontse XIX – XX veke* [Political history of Ingermanland in the late XIX–XX century]. Saint-Petersburg., 2003. 450 p. In Russian.

Riekkalajnen Ju. *Ingermanlandskie finny. Istoriya i sud'ba* [Ingermanland Finns. History and fate]. Petrozavodsk, 2009. 173 p. In Russian.

Shlygina N.V. Finlyandskaya literatura o pereselenii finnov-ingermanlandtsev na territoriyu Finlyandii v gody II mirovoi voiny [Finnish literature on the migration of Finns-Ingermanlanders to the territory of Finland during World War II]. *Etnograficheskoe obozrenie* [The ethnographic review], no 5, Moscow, 1996. pp. 138–142. In Russian.

Targajnen M.A. *Ingermanlandskii izlom: Bor'ba ingermanlandskikh finnov v grazhdanskoi voine na Severo-Zapad Rossii (1918–1920 gg.)* [Ingermanland Fracture: The Struggle of the Ingermanland Finns in the Civil War in the North-West of Russia (1918–1920)]. Saint-Petersburg, 2001. 361 p. In Russian.

Central'nyj gosudarstvennyj arhiv istoriko-politicheskikh dokumentov Sankt-Peterburga [Central State Archive of Historical and Political Documents of St. Petersburg] (CGAIPD SPb).

F. 24. Leningradskii oblastnoi komitet KPSS. Smol'ninskii raion, Leningrad. 1927–1991 [Leningrad regional Committee of the CPSU. Smolninsky district, Leningrad. 1927–1991]

CGAIPD SPb. F. 24. Op. 8. D. 139. 1–5 l.

Leningradskij oblastnoj gosudarstvennyj arhiv v g. Vyborg [Leningrad Regional State Archive in Vyborg] (LOGAV).

F. 3168. Toksovskii raionnyi Sovet rabochikh, krest'yanskikh i krasnoarmeiskikh deputatov Leningradskoi oblasti. Ispolnitel'nyi komitet. pos. Toksovo, Leningradskaya oblast'. 1927–1939 [Toksovsky district Council of workers', peasants ' and red army deputies of the Leningrad region. Executive Committee of the village Toksovo, Leningrad region. 1927–1939]

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 23. 3–6 s ob., 11, 42 l.

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 24. 6, 15–18, 200–205 l

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 29. 5. l

LOGAV. F. 3168. Op. 1. D. 41. 81 l

Received 13.08.2022

Uldanova Galiya Ildusovna

Main expert

Department of Information and Scientific Use of Documents,

The Russian State Historical Archives

36, Zanevsky ave, St. Petersburg, 195112, Russia

Email: galiya251@gmail.com